и никогда сами не выражали ее, мы, всосавъ это носящееся въ христіанскомъ воздухѣ сознаніе, — всѣ, всѣмъ сердцемъ знаемъ и не можемъ не знать ту основную истину христіанскаго ученія, ту, что мы всѣ сыны одного Отца, всѣ, гдѣ бы мы ни жили и на какомъ-бы языкѣ ни говорили, — всѣ братья, и подлежимъ только одному закону любви, общимъ Отцемъ нашимъ вложенному въ наши сердца.

Каковы бы ни были образъ мыслей и степень образованія человѣка нашего времени, будь онъ образованный либералъ какого-бы то ни было оттѣнка, будь онъ философъ какого-бы то ни было толка, будь онъ научный человѣкъ, экономистъ какой-бы то ни было школы, будь онъ необразованный, даже религіозный человѣкъ какого-бы то ни было исповѣданія, —всякій человѣкъ нашего времени знаетъ, что люди всѣ имѣютъ одинаковыя права на жизнь и блага міра, что одни люди не лучше и не хуже другихъ, что всѣ люди равны. Всякій знаетъ это несомнѣнно твердо всѣмъ существомъ своимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только видитъ вокругъ себя дѣленіе всѣхъ людей на двѣ касты: одну трудящуюся, угнетенную, нуждающуюся и страдающую, а другую — праздную, угнетающую и роскошествующую и веселящуюся,—не только видитъ, но волей-неволей съ той или другой стороны принимаетъ участіе въ этомъ отвергаемомъ его сознаніемъ раздѣленіи людей, и не можетъ не страдать отъ сознанія такого противорѣчія и участія въ немъ.

Будетъ-ли онъ господиномъ или рабомъ, человѣкъ нашего времени не можетъ не испытывать постояннаго мучительнаго противорѣчія сознанія съ дѣйствительностью и вытекающихъ изъ него страданій.

Рабочая масса, большое большинство людей, страдая отъ постояннаго, поглощающаго всю ихъ жизнь, безсмысленнаго, безразсвѣтнаго труда и лишеній, страдаетъ больше всего отъ сознанія вопіющаго противорѣчія того, что есть, съ тѣмъ, что должно-бы быть по всему тому, что исповѣдуется ими самими и тѣми, которые поставили ихъ въ это положеніе и удерживаютъ въ немъ.

Они знаютъ, что они въ рабствѣ и гибнутъ въ нуждѣ и мракѣ для того, чтобы служить похотямъ меньшинства, держащаго ихъ въ рабствѣ. Они знаютъ и высказываютъ это. И это сознаніе не только увеличиваетъ, но составляетъ сущность ихъ страданія.

Древній рабъ зналъ, что онъ рабъ отъ природы, а нашъ рабочій, чувствуя себя рабомъ, знаетъ, что ему не надо быть рабомъ и потому испытываетъ мученія тантала, вѣчно желая и не получая того, что не только могло, но должно-бы быть. Страданія для рабочихъ классовъ, происходящія отъ противорѣчія между тѣмъ, что есть и что должно-бы быть — удесятеряются вытекающими изъ этого сознанія завистью и ненавистью.

Рабочій нашего времени, если-бы даже работа его и была много легче работы древняго раба, если-бы онъ даже добился восьмичасоваго дня и платы трехъ долларовъ за день, не перестанетъ страдать, потому что, работая вещи, которыми онъ не будетъ пользоваться, работая не для себя по своей охотѣ, а по нуждѣ, для прихоти вообще роскошествующихъ и праздныхъ людей и въ частности для наживы одного богача, владѣтеля фабрики или завода, онъ знаетъ, что все это происходитъ въ мірѣ, въ которомъ признается не только научное положеніе о томъ, что только работа есть богатство, что пользованіе чужими трудами есть несправедливость, незаконность, казнимая законами, но—въ мірѣ, въ которомъ исповѣдуется ученіе Христа, по которому мы всѣ братья, и достоинство и заслуга человѣка только въ служеніи ближнему, а не въ пользованіи имъ.

Онъ знаетъ все это и не можетъ не страдать мучительно отъ этого вопіющаго противорѣчія всего того, что должно бы быть, и того, что есть. «По всѣмъ даннымъ и по всему, что я знаю, что исповѣдуютъ всѣ», говоритъ себѣ рабочій человѣкъ, «я-бы долженъ быть свободенъ, равенъ всѣмъ другимъ людямъ, любимъ, а я — рабъ, я униженъ и ненавидимъ». И онъ самъ ненавидитъ и ищетъ средствъ спастись отъ своего положенія, свергнуть съ себя навалившагося на него врага и самому сѣсть на него. Говорятъ: «рабочіе не правы тѣмъ, что они хотятъ сѣсть на мѣсто капиталистовъ, бѣдные на мѣсто богатыхъ». Это неправда: рабочіе и бѣдные были-бы неправы, если-бы они этого хотѣли въ томъ мірѣ, въ которомъ признаются отъ Бога установленные рабы и господа, богатые и бѣдные; но они хотятъ этого въ томъ мірѣ, въ которомъ исповѣдуется ученіе евангельское, — первое положеніе котораго есть сыновность людей Богу и потому братство и равенство всѣхъ людей. И какъ ни стараются люди, нельзя скрыть того, что одно изъ первыхъ условій христіанской жизни есть любовь не на словахъ, а на дѣлѣ.

Еще въ большемъ противорѣчіи и страданіи живетъ человѣкъ, такъ называемаго, образованнаго класса. Всякій такой человѣкъ, если вѣритъ во что нибудь, то вѣритъ, если и не въ братство людей, то въ гуманность, если не въ гуманность, то въ справедливость, если не въ справедливость, то въ науку, и вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что вся его жизнь построена на условіяхъ прямо противуположныхъ всему этому, всѣмъ положеніямъ и христіанства, и гуманности, и справедливости, и науки.

Онъ знаетъ, что всѣ привычки, въ ко-